

Э. Г. КАРХУ

О ПЕРВЫХ ОЦЕНКАХ ТВОРЧЕСТВА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА
И Н. В. ГОГОЛЯ В ФИНЛЯНДИИ

Критический реализм как ведущее литературное направление утвердился в Финляндии лишь в 80-е гг. XIX века. Однако значительно раньше, к концу 40-х гг., у наиболее передовых финляндских литераторов пробудился интерес к творчеству зарубежных реалистов. Вполне понятно, что здесь не обходилось без борьбы, тяга к реализму наталкивалась на консерватизм старых традиций, в ту пору еще достаточно устойчивых. Если исходить из опубликованных критических отзывов, первые переводы реалистических произведений русской литературы в Финляндии встречались не всегда приветливо.

Одним из усердных переводчиков русских авторов был О. Мерман, преподаватель русского языка в Гельсингфорсе. В начале 40-х гг. в Стокгольме в его переводах было издано несколько повестей Марлинского. Там же в 1841 г. вышла «Капитанская дочка», переведенная Мерманом. В Финляндии этот перевод прошел незамеченным, не вызвав никаких откликов. Но «Герой нашего времени», переведенный тем же Мерманом и изданный в 1844 г. в Гельсингфорсе, уже обратил на себя внимание критики.

Передовая русская общественность восприняла творчество Лермонтова как скорбное размышление поэта над окружающей действительностью и как суровое ее отрицание. В образе Печорина, по словам Белинского, воплощен критический дух века. Именно этот пафос отрицания, эта ненависть Лермонтова к тем условиям, в которых личность прозябала в бездействии, оттолкнули от него многих русских критиков, либо вынудили их превратно истолковать роман. Его критический дух, как будет видно в дальнейшем, пришелся не по вкусу и рецензенту финляндской газеты.

Любопытно, что идею перевести на шведский язык роман Лермонтова вначале выдвинул Плетнев¹. Вскоре, однако, его отношение к творчеству поэта резко изменилось, он совершенно отказывал Лермонтову в самобытном таланте. Когда Грот сообщил, что Мерман уже переводит роман, Плетнев на это ответил: «Из «Героя нашего времени» можно бы перевести только «Белу» да другую, где действие происходит на Черном море. А повесть о Кавказских минеральных водах для меня дрянь. Уткин Мермана на повести Белкина, Пушкина. Тут много вечно интересного, особенно «Выстрел» и «Дочь станционного смотрителя»².

¹ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. I, СПб, 1893, стр. 130. (При дальнейших ссылках сокращенно: Переписка).

² Там же, т. II, стр. 144.

В творчестве Лермонтова Плетнев уловил признаки социально-критического, или, как он выражался, «отрицательного» направления в литературе. Его представители обращали внимание на недуги общества, между тем как Плетнев настойчиво повторял слова Жуковского о том, что «поэзия есть добродетель», то есть художник должен находить предмет изображения в сфере идеального и не заниматься критикой общественных пороков.

Отношение Плетнева к творчеству Лермонтова в данном случае существенно, ибо он, судя по письмам, подбирал для Мермана критические материалы о писателе и тем самым мог некоторым образом воздействовать на переводчика, являвшегося одновременно автором предисловия. Для написания предисловия Мерман нуждался в фактических данных и с этой целью обратился к Гроту, который направил его в Петербург к Плетневу. Грот писал своему другу, что Мерман «ищет сведений о жизни Лермонтова; не мог ли бы он получить их от Одоевского? В таком случае снабди его нужным наставлением о жилище князя и времени, когда его можно застать»¹. Плетнев вскоре сообщил, что Мерман к нему явился и что он, Плетнев, обещал подыскать статью о Лермонтове.

К 1844 г. в русских журналах, как известно, появились весьма разнообразные отзывы о творчестве Лермонтова: статьи Белинского, Шевырева, Сенковского, Булгарина, Бурачка. Предисловие Мермана нельзя приравнять ни к одной из них, однако по тону автора и некоторым его суждениям чувствуется, что он был знаком с этими статьями. Кое-что он из них заимствовал, а подчас выражал свое несогласие с высказанными мнениями о романе, не называя, однако, имен.

Мерман не сумел осмыслить «Героя нашего времени» в широком общественном плане. Он не понял того, что скептицизм Печорина, его неудовлетворенность окружающим миром были, по выражению Белинского, следствием «переходного состояния духа, в котором для человека все старое разрушено, а нового еще нет и в котором человек есть только возможность чего-то действительного в будущем»². Мерман упрощал содержание романа, вслед за Шевыревым считая печоринский недуг новой разновидностью «дон-жуанизма» и видя в нем признак порочности современного образования. Эту «болезнь века» он считал тем более опасной, что она поражала с помощью того же оружия, которое прежде применялось против порока. Этим оружием был смех, превратившийся теперь в горькую иронию, холодный скептицизм.

Но Мерман не соглашался с теми, кто полагал, что роман был клеветой на действительность. В начале своей статьи он излагал как раз подобного рода претензии критики к роману. Автора упрекали, по словам переводчика, за «пристрастие к темным краскам», за преувеличенно мрачный взгляд на действительность. Вопреки своим намерениям Лермонтов якобы очертил не современный характер, не «героя нашего времени», а некое «чудовище», явившееся плодом большой фантазии. Превращая недоумение критики, Мерман писал: «В наш век, столь просвещенный, гуманный и благородный, породивший столько прекрасных слов о дружбе, о самопожертвовании и совершенной красоте; в век, когда низменные страсти подвергаются такому обличению, что даже мифическому Дон Жуану остается только раскаться, — откуда же в такой век можно было сыскать прообраз для той небылицы, какой является «Герой нашего времени»? Объясняли это, по словам Мермана,

¹ Переписка, т. II, стр. 202.

² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. IV, Изд-во АН СССР, М., 1954, стр. 253.

тем, что автор, оказавшийся во власти «человеконенавистничества», сочинил «пасквиль на своих соперников и завистников, используя против них оружие, которым владел с превосходным искусством»¹. С такой точкой зрения переводчик не соглашался.

Хотя Мерман и сближал Печорина с автором романа, считая недостаточно вескими возражения, высказанные Лермонтовым по этому поводу, однако, он довольно настойчиво отстаивал мнение, что в романе отразилось характерное явление времени, пусть неприятное и даже «ужасающее», но имеющее корни в самой действительности. Ни о каком «пасквиле» не могло быть речи. «При чтении романа, — отмечал Мерман, — невольно возникает ужасающая мысль о том, что те мрачные взгляды, которые столь обнаженно выступают в этом безыскусственном повествовании, не представляют собой какого-то внешнего наряда, в который автору вздумалось своевольно облечься»². Герой романа, по словам Мермана, настойчиво искал твердых убеждений, он вел отчаянную борьбу с «безверием», но ни к чему положительному прийти не мог и потому пытался закрыться маской равнодушия, желая обмануть скорее самого себя, чем других. Эти рассуждения заставляют вспомнить слова Белинского о тех критиках, которые упрекали Печорина за безверие: «Вы говорите против него, что в нем нет веры. Прекрасно, но ведь это то же самое, что обвинять нищего за то, что у него нет золота: он бы рад иметь его, да не дается оно ему. И притом разве Печорин рад своему безверию? разве он гордится им? разве он не страдал от него? разве он не готов ценою жизни и счастья купить эту веру, для которой еще не настал час его?..»³

Если Мерман в предисловии придерживался мнения, что в «Герое нашего времени» отразился действительно существующий общественный недуг, то в рецензии, появившейся в газете «Гельсингфортс Моргон-блад»⁴, утверждалось, что роман Лермонтова не имел ничего общего с финской жизнью. Болезнь безверия разьедала Западную Европу, а в Финляндии была неизвестна. Переводчик, по мнению рецензента, напрасно потратил и время и талант для перевода столь «никчемной» книги. «Подобные сочинения, а иногда и получше этого насчитываются целыми дюжинами во французской литературе», в которой, как утверждалось в рецензии, не было недостатка в такого рода «героях нашего времени». Чтобы убедиться в этом, рецензент советовал прочитать наугад какие-нибудь сочинения Сю или Бальзака. Однако такие романы почитались только в тех кругах, которые «в литературе, как и во всем остальном, остаются рабами моды и своей собственной духовной нищеты; они ищут красоты не ради нее самой, а для того, чтобы посредством сильных впечатлений возбудить свои вялые и притупившиеся чувства для минутного сладострастия».

Эти рассуждения финляндского критика во многом напоминают статью С. Шевырева о «Герое нашего времени», напечатанную в 1841 г. в «Москвитянине». Не отрицая таланта Лермонтова, Шевырев, как известно, пытался истолковать роман в духе противопоставления России Западу, полагая, что оба эти начала нашли отражение в художественных образах произведения Лермонтова. «В Максиме Максимовиче, — писал Шевырев, — отзывается древняя Русь», он представляет собой

¹ M. Lermontoff. Vår tids hjelte, översatt från tredje upplagan av O. M[er]man. Helsingfors, 1844. — Förord av översättaren, s. III.

² Там же.

³ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. IV. Изд-во АН СССР, М., 1954, стр. 263.

⁴ Helsingfors Morgonblad, 1844, № 63.

«цельный характер коренного русского добряка, в которого не проникла тонкая зараза западного образования»¹. «Печорин же,— продолжал Шевырев,— принадлежит к числу тех пигмеев зла, которыми так обильна теперь повествовательная и драматическая литература Запада»². Эта «тяжкая болезнь века» явилась следствием двух причин: «гордости духа» и сластолюбивой «низости пресыщенного тела». Но все это было только на Западе. «Печорин не имеет в себе ничего существенного, относительно к чисто русской жизни, которая из своего прошедшего не могла извергнуть такого характера. Печорин есть один только призрак, отброшенный на нас Западом, тень его недуга, мелькающая в фантазии наших поэтов... Там он герой мира действительного, у нас только герой фантазии — и в этом смысле герой нашего времени»³. Заканчивая статью о романе, Шевырев предостерегал, «чтобы призрак недуга, сильно изображенный кистью свежего таланта, не перешел для нас из мира праздной мечты в мир тяжелой действительности»⁴.

В статье Шевырева и рецензии «Гельсингфорс Моргонблада» на роман Лермонтова попадают даже фразеологические сходства. Шевырев спрашивал: «Но откуда же, из каких же данных у нас мог бы развиться тот же недуг, каким страдает запад?» — а финляндский критик, обличавший нравственный упадок «западных кругов», вслед за «Москвитянином» повторял: «Но где можно найти подобные круги у нас в Финляндии, в этой простой и полной жизненных сил стране? Здесь, как мы надеемся, такого рода сочинениям не будет успеха».

Эта надежда рецензента, однако, не оправдалась. К середине века литературные вкусы финнов заметно изменились. Их уже не удовлетворяла идиллически окрашенная поэзия, чуждавшаяся острых общественных вопросов. Значительную роль здесь сыграла борьба Снельмана за критическое направление в финляндской литературе и журналистике. Изменилась социальная психология многих читателей, наиболее чувствительных к тем бурным событиям, ареной которых стала Европа 1848 г. Уже тогда в Финляндии осознавали влияние этих событий на литературу. В этом отношении примечательна рецензия газеты «Моргонбладет»⁵ на сборник стихов финляндского поэта Валфрида Алфтана, появившаяся в 1850 г. Алфтан не обладал большим художественным даром, но его стихи привлекли внимание рецензента новизной содержания. Их автор отличался демократизмом своих взглядов и впоследствии оказал положительное влияние на молодого Юлиуса Векселя, угадав в нем выдающийся талант.

Рецензент отмечал, что в последние годы в Финляндии наступило некоторое поэтическое «затишье». Было время, когда на страницах газет и журналов выступало много молодых поэтов, а теперь они почему-то перестали писать. Рецензент объяснял это тем, что с той поры произошли «столь необычайные всемирно-исторические события, что они не могли не оказать хотя бы небольшого влияния также на нашу отдаленную и забытую страну. Это было время для действия и размышлений, но не для песен. На долю нас, финнов, лишь издали наблюдавших эти великие движения, остается только размышление, но мы осмеливаемся полагать, что именно эти новые думы, навеянные крупными событиями, явились причиной того, что у нас, как и везде, песен теперь меньше. Мы вовсе не хотим сказать, что этот видимый застой причинил

¹ «Москвитянин», 1841, ч. 1, 2, стр. 523.

² Там же, стр. 535—536.

³ Там же, стр. 536.

⁴ Там же, стр. 538.

⁵ Morgonbladet, 1850, № 33.

урон нашей поэзии. Напротив, мы уверены, что те раздумья, которым в последние годы невольно предавался каждый из нас, не могли не привести к тому, что у молодых авторов появились более широкие взгляды на жизнь и ее обстоятельства; вот почему мы не сомневаемся, что у многих из них впереди есть будущее, хотя теперь может показаться, что они уже свое отпели. Как только размышления приведут к твердым и непоколебимым убеждениям, тогда песня зазвонит еще прекрасней». Стихи Алфтана рецензент расценивал как один из первых симптомов появления этих новых песен, порожденных социальными потрясениями в Европе. Поэтическим учителем Алфтана, по словам рецензента, был уже не Рунеберг, а Генрих Гейне, поэт революции.

К так называемой «тенденциозной» литературе, отличавшейся социально-критическим направлением, финны теперь уже не относились с прежним недоверием. Несмотря на трудные цензурные условия и протесты со стороны литературных староверов, в Финляндии началась пропаганда творчества крупнейших зарубежных художников. Снельман, например, рекомендовал переводить на финский язык Бальзака и Диккенса, однако эта идея не могла быть осуществлена сразу из-за цензурного закона 1850 г., согласно которому запрещалось издавать на финском языке любые романы—как оригинальные, так и переводные. Тем не менее в финляндских газетах стали появляться восторженные отзывы о зарубежных художниках-реалистах. В том же 1850 г., когда был введен цензурный запрет, газета «Моргонбладет» напечатала переводные статьи о Бальзаке и Теккере. В них доказывалось, что возникновение представляемого этими художниками направления в литературе было исторически закономерным, обусловленным обстоятельствами самой жизни. В статье о Бальзаке¹ утверждалось, что такие персонажи его романов, как Гобсек, Нюсинген и Горио, были порождением современной писателю буржуазной действительности, гениально очерченными типами XIX в.

Хотя это и была переводная статья, но ее появление на страницах финляндской газеты, наряду с другими выступлениями такого же направления, свидетельствовало о повышении у финнов интереса к реалистической литературе. Финляндский читатель постепенно узнавал новые литературные имена, в том числе и русских авторов. В это время финнам стал известен также Гоголь. В 1850 г. в шведском переводе вышла его «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Любопытно, что Грот с Плетневым стремились пробудить у Гоголя интерес к Финляндии. В письме к А. О. Россету из Неаполя от 11 февраля 1847 г. Гоголь, прося присылать ему «только те книги, где слышна сколько-нибудь Русь», шутливо добавлял: «Я очень боюсь, чтобы Плетнев не стал потчевать меня Финляндией...»² Впрочем, усилия Плетнева и Грота не были совершенно бесплодными, и Гоголь даже высказал желание приобрести книгу о финской флоре. В письме к Шевыреву от 3 сентября 1849 г. Грот писал: «Гоголь, вероятно, уже воротился из своей поездки. Потрудитесь передать ему, как мне жаль было, что я не мог дожидаться его в Москве. Он просил меня доставить ему финскую флору. Я и хотел тотчас же исполнить его желание, но, к сожалению, узнал, что финской флоры никогда еще не было издаваемо»³.

Еще до появления переводов Гоголя некоторые финляндские лите-

¹ «Balzac». — Morgonbladet, 1850, № 71.

² Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. XIII. Изд-во АН СССР, Л., 1952, стр. 211.

³ Переписка, т. III, стр. 781.

раторы, видимо, имели представление о нем, как о выдающемся художнике. Имя Гоголя было известно, например, Ф. Сигнеусу, который во время своего пребывания в Риме посетил находившегося там автора «Мертвых душ».

Шведский перевод «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» снабжен предисловием, в котором таланту писателя дается весьма высокая оценка; переводчик писал о Гоголе со знанием дела и с любовью, подчеркивая прогрессивное значение творчества «крупнейшего русского юмориста». Гоголь, как указывал переводчик, родился и долгое время жил на Украине, среди свободолюбивого народа. Украинцы уже давно знали «республиканский быт» запорожцев, в прошлом им постоянно приходилось вести борьбу против татар, турок, поляков. В целях сохранения своей самобытности они искали защиты у России и присоединились к ней. История украинцев, природные условия их края — все это, по словам переводчика, способствовало поэтическому складу их национального характера. Украина стала песенной страной, ее народ отличается большой музыкальностью. «Их героические поэмы, песни, сказания и обычаи глубоко поэтичны. У их песен прекрасные мелодии, ибо малороссы, как и чехи, исключительно музыкальный народ»¹. В последнее время украинцы стали бережно собирать народные песни, и это, по словам переводчика, было связано с пробуждением национального самосознания.

В предисловии особенно подчеркивалось, что творчество Гоголя выросло на народной почве, что он проявлял «чрезвычайный интерес к народной жизни, усердно изучая ее. Он посещал соседние ярмарки, приглашал к себе крестьян, которые с удовольствием рассказывали ему случаи из своей жизни, а также из жизни помещиков. Вследствие этого его любят низшие классы, но у него есть и много недругов, поскольку он, не взирая на лица, смело обличает дикость, невежество и суеверие, бичует судопроизводство и множество современных предрассудков, преступлений и пороков»². Переводчик ставил в заслугу Гоголю критическое направление его творчества и одновременно подчеркивал его реализм. В предисловии Гоголь назван юмористом, но по существу имелась в виду сатира. Юмор Гоголя, писал переводчик, поражает яркой самобытностью, отличаясь «не только от немецкого и английского», но и от юмора русских предшественников писателя. Переводчик сравнивал Гоголя с Диккенсом, особо отмечая умение обоих реалистов изображать индивидуализированные характеры. К чему бы ни прикоснулся Гоголь, все под его пером, как указывалось в предисловии, получало печать неповторимого своеобразия. «У него все плоть и кровь, действительная жизнь в ее истинности, люди, с которыми встречаешься на улице, события, которые происходят каждый день в городах и селах, картины, которые не выдуманы, но подмечены зорким и острым глазом, чтобы быть воспроизведенными рукой уверенной, смелой, часто суровой»³.

Переводчик с сожалением писал о той духовной эволюции, которую претерпел Гоголь после написания первой части «Мертвых душ». В предисловии выражалась надежда, что после пребывания за границей Гоголь вернулся на родину «как прежде», то есть избавившись от тех заблуждений, которые привели его к огубликованию «Избранных мест из переписки с друзьями».

¹ N. G o g o l. Mirgorod. Genremålning ifrån Lilla Ryssland. Berättelse om huru Ivan Ivanovitsh råkade i gräl med Ivan Nikiforovitsch. Helsingfors, 1850.— Företal, s. 4.

² Там же, стр. 6.

³ Там же, стр. 5.

Ярко выраженная национальная самобытность Гоголя делала его весьма трудным для перевода. На это указывал Белинский, это понимал и финляндский переводчик, отметивший, что многие тонкости в произведениях Гоголя могут быть прочувствованы только русским человеком, на языке оригинала. Тем не менее переводчик изъяснял готовность перевести и другие сочинения Гоголя, если первый опыт будет положительно встречен общественностью.

Та анонимная рецензия на перевод повести Гоголя, которую нам удалось найти в газете «Гельсингфорс Тиднингар»¹, была в общем положительной, хотя и не столь восторженной, как предисловие к переводу. Рецензент, впрочем, не удержался от сентенции, что художник, взявшийся описывать неприглядные стороны жизни, должен сам не «заразиться» житейской грязью. А чтобы избежать этого, ему надобно любить своих героев, прощать свойственные им человеческие слабости. Из этих рассуждений явствует, что рецензента несколько смущала сатирическая направленность таланта Гоголя, его «тенденциозность». Все же рецензент рекомендовал читателю познакомиться с сочинением «наиболее выдающегося писателя соседнего нам народа». Это была, по его словам, не просто комическая повесть, но «верное описание предмета, жанровая картина из Малороссии. Как автор тенденциозного направления, Гоголь заслуживает своей картиной высокой чести и похвалы».

Актуальной для финнов «тенденцией» в повести Гоголя, как и других его произведениях, было комическое изображение захолустного помещичьего быта. Финны долго идеализировали патриархальные общественные устои, простоту сельских нравов, неторопливую жизнь финляндских городов, во многом сохранивших средневековый облик. Но в 40-е гг. в финляндской литературе уже наметилось ироническое отношение к той духовной косности, которая неизбежно сопутствовала замкнутому патриархальному существованию. Эта тенденция проявилась в комедии «Гипнотизер» П. Ханникайнена, а также в рассказах Снельмана, который сравнивал всю Финляндию с захолустным провинциальным городом, где какой-нибудь отставной майор мнил себя более важной персоной, чем «сам Виктор Гюго в самом Париже». С появлением таких настроений финнам стал понятен и грустный смех Гоголя над бессмысленностью существования миргородских обывателей.

С подлинным художественным блеском «идиотизм» патриархального быта высмеял в своих комедиях и романе «Семеро братьев» А. Киви. Для финской литературы он сделал примерно то же самое, что для русской Гоголь. Как писал Белинский, «Гоголь убил два ложных направления в русской литературе: натянутый, на ходулях стоящий идеализм, махающий мечом картонным, подобно разрумяненному актеру, и потом — сатирический дидактизм»².

Киви во многом способствовал становлению финского реализма, который в 80-е гг. приобрел уже более критический характер. В этот период усиливается внимание финнов к русским реалистам, в том числе и к Гоголю, основателю натуральной школы.

*Институт языка, литературы и истории
Карельского филиала АН СССР*

*Поступила в редакцию
15/III 1959*

¹ Helsingfors Tidningar, 1850, № 53.

² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VIII. Изд-во АН СССР, М., 1955, стр. 81.